



Выступление из Москвы

19 октября. Рано утром император уехал по Калужской дороге. Я остаюсь до трех часов пополудни для того, чтобы вместе с генералом Нарбонном обойти госпитали; раненные в количестве полутора тысяч собраны в Воспитательном доме около Кремля, где оставлен гарнизон под начальством маршала Мортье.

Не было времени до отъезда перенумеровать повозки; за нами следует по меньшей мере пятнадцать тысяч их, почти все захваченные в этом городе или принадлежащие поселившимся в России иностранцам; они причиняли большие затруднения при выходе из Москвы. Вечером в Троицком, плохом поместье, мы догоняем императора. Погода мягкая.

20-е. В четыре часа я получил приказ отправиться с двадцатью пятью уланами гвардии, эстафетой и инспектором почты в Малую Вязьму, поместье князя Голицына по дороге из Москвы в Можайск. Передавая мне этот приказ, Коленкур, очень ко мне расположенный, выражал мне свое огорчение по поводу того, что император доверил мне такое опасное поручение.

Я должен был проследить за движением войск, отступавших этой стороною, и дать о нем отчет. Так как я должен был проезжать по краю, занятому неприятелем, то моя миссия была очень щекотлива. Мой близкий товарищ Мортемар попрощался со мною, как с другом, которого больше ему не суждено видеть; он советовал мне, если на меня нападут, приказать броситься в рукопашную (*croiser les lances*), не отвечать на неприятельские выстрелы и пробиться на всем скаку. Я разделил свой отряд на два взвода; посредине первого ряда я поместил проводника-русского, связанного веревкой, оба конца которой держали два улана; его предупредили, что его пристрелят на месте, если он приведет нас к русским. Ночью во весь опор мы пронеслись по местечку, которого нельзя было миновать. Оно было занято; на оклики по-русски «кто идет?» мы ничего не отвечали. На некотором расстоянии мы услышали; «кто идет?» по-французски; ...более мелодический звук не касался моих ушей. Мы таки ускользнули от казаков, что нельзя назвать неудачей. Десять часов вечера. Я великолепно заснул на моей медвежьей шкуре.

21-е. Вечером прибыли тысяча двести русских пленных, конвоируемые португальским батальоном. Майор, который ими командовал, нашел на дороге трех жеребят; он их отдал пленным на пищу, а то эти несчастные оспаривали друг у друга куски трупов. Португальцы будто бы получили приказ расстреливать пленных, которые не идут; поэтому они прикладывали ружейное дуло к голове тех

выбившихся из сил, которые не могут идти, и пристреливают их; они совершают все это с большой жестокостью, а сверх того, еще и неловко; пристреливай они их по краям дороги — можно было бы подумать, что эти люди пытались убежать; но они совершают свои милые экзекуции посреди дороги. Боюсь, что такое варварское поведение вызовет по отношению к нам беспощадную месть.

22-е. Императорская штаб-квартира перенесена в Фоминское. Из Малой Вязьмы мы отправляемся в Кубинское; этот пост занят вестфальским батальоном, насчитывающим лишь сто человек; накануне на мельнице он потерял сорок человек. Вскоре после нашего прибытия показались казаки. Они на ура кинулись на обоз с ранеными; эскортировавшие его солдаты плохо вели себя.

Полковник Бурмон (Bourmont) приказал взяться за оружие; вестфальский отряд, продвинувшийся вперед за четверть мили, выручил несколько человек, бросившихся в лес. Я передал приказ баварскому полковнику начать атаку со своей бригадой; он мне ответил, что его истощенные лошади не могут галопировать. Во время этой экспедиции он нам годился лишь на то, чтобы ежедневно замаривать пятьдесят человек пехоты охраной своего фуража и уничтожать из стада баранов, собранного испанцами, к большому неудовольствию последних.

Я попросил в полку **Жозефа Наполеона** пятьдесят охотников, чтобы кинуться на 1/2 мили вперед и спасти возможно большее количество людей; вызвали желающих из этого храброго полка. Эти пятьдесят гренадеров бегом бросились на неприятеля, и мы спасли сто человек, хорошо вооруженных, спрятавшихся в лесу, не выпустив ни единого выстрела; мне даже стало жалко таких плутов. На дороге мы увидели брошенный фургон, в котором было оставлено двое несчастных раненых.

24-е. Штаб-квартира императора находится в Городне.

Мы отправляемся в Щелковку, пост также занятый вестфальским батальоном. Батальон в Кубинском лишился людей и экипажей, посланных вперед батальонным командиром. Этот офицер высшего ранга в отчаянии, но не от потери своих солдат, а от пропажи тысячи экю — всех его походных сбережений, которые были спрятаны в одной из повозок. Мы подобрали нескольких человек из конвоя французских раненых, брошенных казаками. По дороге мы видели до сорока пленных русских, убитых португальцами. Один из них обязан жизнью лености их арьергарда. Этот русский упал, не будучи в состоянии идти дальше. Португалец стреляет в него в упор.

Его ружье дает два раза осечку; в третий раз он восклицает: «Я буду великодушен. Следовало бы прочистить мое ружье. Пусть себе остается!»

Несчастный пленник отполз на четвереньках с дороги, боясь следующих отрядов; они его, конечно, замечали, но не имели ни малейшего желания причинить ему зло. Наш ночлег отвратителен; рядом с комнатой, в которой скучены мы, находятся трупы: воздух убийственный.

25-е. Казаки ежедневно захватывают по несколько человек во время нашего перехода, они показались и справа и слева дороги.

Трупы полусотни пленных, попадающиеся на нашем пути словно вехи указывают, что португальский эскорт по-прежнему идет перед нами.